М.А. Киселев

ПЕТР I И *ЗАКОНОЗНАТЕЛЬ* ПУФЕНДОРФ[1]

Статья посвящена истории создания и публикации в 1726 г. русского перевода сочинения С. Пуфендорфа «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» в ее взаимосвязи с идейными предпочтениями и поисками Петра I. В историографии рассматривают этот перевод как знак проявления интереса царя к трактатам по естественному праву, которые в свою очередь оказали влияние на использование Петром концепта «общего блага» при обосновании его государственной деятельности. Показывается, что появление этого перевода было связано с тем, что Петр хотел получить на русском языке учебник по юриспруденции, а не с какими-то его особыми симпатиями к правовым идеям Пуфендорфа. Соответственно, при поиске идейных источников, из которых Петр черпал вдохновение, связанное с понятием общего блага / общей пользы, следует обратиться, скорее, к его интересу к религиозной и морально-политической литературе и историческим сочинениям.
Ключевые слова: *Петр I, Пуфендорф, общее благо, история России, история переводов.*

В историографии достаточно прочно утвердилась идея, что концепт «общего блага» был одним из ключевых для Петра I в обосновании его государственной деятельности. При этом в качестве одного из источников, из которых Петр почерпнул этот концепт, нередко называют юридические сочинения ключевого теоретика естественного права второй половины XVII в. С. Пуфендорфа.

Е.В. Анисимов в 1996 г. писал, что «на следующем этапе преобразований», объявленном Петром I в 1718 г., монарх «опирался на ряд теоретических принципов, взятых преимущественно из западноевропейской рационалистической философии, юриспруденции, учения о государстве. …Венцом упомянутых общих идей было представление о том, что все реформы и связанные с ними лишения и жертвы служат одной великой цели – достижению “общего блага” (salus publica), которое представлялось земным раем. Нет сомнений, что Петру I были известны многие из этих популярных идей государственного строительства. …Книга Пуфендорфа “О должности гражданина и человека” так понравилась царю, что он распорядился перевести и издать ее на русском языке»[2]. В 1999 г. Х. Баггер утверждал, что в зрелом возрасте Петр I углублялся, «когда предоставлялся случай, в современные государственно-правовые трактаты, переводимые для него на русский язык. Любимым его пособием стал перевод “De officiis hominis et civis” (“О должности человека и гражданина”) Самуэля Пуфендорфа»[3]. В посвященной идеологии Петра работе 2022 г., утверждается, что «Пуфендорфу удалось соединить в рам-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».
[2] Власть и реформы 1996: 128.
[3] Баггер 1999: 140.

ках целостной концепции все три ключевые идеи своего времени – естественное право, общественный договор и общее благо. И все эти идеи в пуфендорфовском изложении были известны Петру». Более того, «Петр I глубоко изучил произведения Пуфендорфа»[4].

Отправной точкой для рассуждений о влиянии правовых идей Пуфендорфа на Петра является факт перевода по распоряжению монарха пуфендорфовского трактата «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem», напечатанного в Санкт-Петербурге в 1726 году под названием «О должности человека и гражданина по закону естественному». В то же время история появления этого перевода изучена довольно слабо и, как правило, исследователи не идут далее сведений, которые привел еще в 1862 г. П.П. Пекарский[5]. Конечно, в 2001 г. вышла статья Н.И. Малышевой, специально посвященная судьбе этой книги Пуфендорфа в России, но в изложении истории перевода исследователь опирается только на данные из «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.» и предисловия Гавриила Бужинского 1726 г.[6] Новые сведения, связанные с историей перевода, приводятся в статье С.В. Польского 2022 г. о роли рукописных перевода в формировании светского политического языка в России первой половины XVIII в., однако статья не лишена спорных утверждений[7]. Соответственно, в связи как с отмечаемым исследователями значением этого перевода трактата Пуфендорфа, так и с проблемой его изученности в настоящей работе будет рассмотрена история создания и публикации в 1726 г. русского перевода сочинения С. Пуфендорфа «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» в ее взаимосвязи с идейными предпочтениями и поисками Петра I.

Прежде всего, необходимо отличать интерес Петра I к Пуфендорфу-юристу от его интереса к Пуфендорфу-историку. Еще в 1716 г. царь назвал Пуфендорфа «славным историком». По повелению «Петра Перваго, всероссийского императора», как сообщалось на титульном листе первой печатной книги Пуфендорфа на русском языке, видным церковным деятелем Гавриилом Бужинским было переведено с латыни историческое сочинение Пуфендорфа, опубликованное под заголовком «Введение, в гисторию Европейскую» в Санкт-Петербурге в 1718 г., а затем вышедшее там же вторым изданием в 1723 г. Однако «Введение…» не содержало естественно-правовых рассуждений, а наименование Петром Пуфендорфа «славным историком» показывало, что монарх воспринимал его к 1716 г. именно как историка, а не как правоведа, хотя Гавриил Бужинский в предисловии к переводу 1718 г. охарактеризовал его не только как «Историка искуснаго», но и как «премудраго в своем веце Юристы… барона и тайнаго советника Електора Бранденбурскаго»[8].

---

[4] Багдасарян, Иерусалимский, Сильвестр (Лукашенко), Реснянский 2022: 62, 63.
[5] Пекарский 1862: 213.
[6] Малышева 2001: 187–188, 196.
[7] Польской 2022: 268–271.
[8] Гавриил Бужинский 1718: 3–4.

Более того, с упоминанием юридических сочинений Пуфендорфа, включая и «De officio…», Петр столкнулся еще в 1703 г., когда утвердил составленный бароном Г. Гюйссеном наказ по обучению царевича Алексея. В нем, прежде всего, предлагалось «чтоб тотчас Гистории действовать начать и к такому предложению надлежит Бунонову идеу Гистории общей с продолжением на Французской язык перевесть и во Голландии напечатать велеть, …далее, Пуффендорфово введение к Гистории главнейших государств в Европе употреблять», читать французские газеты и «купно о том политическия, географическия и нравоучительныя напоминания в разговорах его высочеству представлять». При этом следовало также для изучения географии «доброго аутора избрать, дабы его высочество в Гистории и Географии, яко истинном основании Политики, благо обучен быть мог». Далее шли арифметика и геометрия, обучение письму, после чего предлагалось: «Возможно заранее Пуффендорфову ***малую книжицу о должности человека и гражданина*** (выделено нами. – *М.К.*) на Французский язык перевесть и в Голландии напечатать велеть, дабы оное употреблять, яко введение в право Всенародное и яко преддверие Гроция или Пуффендорфа ж о праве Естественном и Народном». Однако после этого делалось другое заявление: «Паче всех символы Саведровы и в свете знатнаго Телемака к наставлению его высочества рекомендуются, дабы оныя, яко зерцало и правило предбудущаго его правительства во всю жизнь употреблять»[9].

В документе, созданном предположительно в 1708 г., было зафиксировано, что в рамках реализации гюссеновской инструкции Алексей «фабулы Ессоповы, описание езды Олеариуса, ***введение в историю Пуффендорфа*** (выделено нами. – *М.К.*), такожде географию, генеалогию, науку печатей королей, арифметику и геометрию, нарочито выучил». Кроме того, обучаясь письму по-французски и по-немецки, он переписывал «на обоих языках» краткие тексты «науки политическия …изо всяких историй и ведомостей собранные», которые по переписыванию «ему располагаются и толкуются». Далее царевичу предлагалось перейти к чтению книг «Разговор над общею историею… дофину», т. е. «Discours sur l'histoire universelle», где епископ Ж.-Б. Боссюэ, воспитатель Людовика Великого Дофина трактовал историю в провиденционалистском ключе, а также «Телемак, который князю Боргонскому от ученаго Фенелона послан», т.е. морально-политический роман «Les Aventures de Télemaque» епископа Ф. Фенелона, воспитателя Людовика, герцога Бургундского, сына Людовика Великого Дофина[10]. При этом известно, что в 1707–1711 гг. «по желанию и по велению» Петра I Феофаном Прокоповичем был переведен упомянутый в наказе морально-политический трактат Д. Сааведра Фахардо «Изображение христианополитическаго властелина, символами объясненное»[11]. Уже в феврале 1710 г. ав-

[9] Устрялов 1859: 302–303.
[10] Марченко 1901: 518–519.
[11] Бугров, Киселев 2016: 122–123.

стрийский дипломат Г.В. Вильчек написал в Вену про учебу Алексея, что Гюйссен «порекомендовал ему для чтения книгу Сааведры “Ideam Principis Christiani” (первые 24 главы которой царевич усердно проштудировал), а также Квинта Курция об Александре Македонском, Валерия Максима и другие сочинения. Их царевич читает, переводит и толкует трудные места; также самостоятельно читает по-польски и по-немецки и чтением настолько увлечен, что помимо рекомендаций со стороны гофмейстера и других приближенных к нему царедворцев прочел всю Библию – 4 раза по-русски и один раз по-немецки»[12].

Итак, имеющиеся сведения об обучении царевича Алексея не позволяют говорить, что упоминание юридических сочинений Пуфендорфа в наказе Гюйссена вызвало к ним какой-либо интерес у Петра. Также нельзя сказать, что в правоведческой части этот наказ был хоть сколько-нибудь реализован. В то же время эти сведения фиксируют интерес Петра к морально-политическим сочинениям с христианским оттенком, равно как и изучение такого рода сочинений наследником престола вкупе с историческими книгами.

Тем не менее, остается фактом публикация в Санкт-Петербурге в 1726 г. русского перевода трактата Пуфендорфа «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem», выполненного по распоряжению Петра. О чем это свидетельствовало? Можно, как писал Е.В. Анисимов, исходить из того, что эта книга «так понравилась царю, что он распорядился перевести и издать ее на русском языке». Но как Петр смог ознакомиться до перевода с содержанием написанной на латыни книги? Здесь следует указать, что о мотиве заказа Петром перевода написал Гавриил Бужинский, на что обращает внимание Н.И. Малышева[13]. Что важно, Бужинский, который часть русского перевода «De officio…» отредактировал, а часть перевел сам, в своей переводческой деятельности общался с Петром, так что мог получить сведения из первых уст. В предисловии («приношении») к публикации перевода 1726 г., адресованном Екатерине I, Бужинский утверждал, что Петр, «видя внутренное государства правление, паче же в судах бываемое, от прочих государств Европейских различное, …возжелал да и в сем Россиа деле, равное восприимет почтение. Ради Церковнаго убо мира и тишины уставил… Синод, ради мирскаго благосостояния… коллегии, избрав во оныя елико возможно, тако Российских, яко и иностранных, искусно в юриспруденции обучившихся мужей, узаконил: над оными же еще… определил… Сенат». Далее Гавриил Бужинский указывал как на сочинение новых законов, так и на отправку *юношей* для обучения *юриспруденции* «в Европейския преславныя академии». В то же время он отмечал, что Петр, «разсуждая же еще и предвидя, что оное школьное учение, не бывает без продолжения времене многаго… и толикия книги законов наполнени, что исчислити невозможно», озаботился следующим: «Прежде даже юноство Российское

[12] Гордин 2022; Флоровский 1967: 673–675.
[13] Малышева 2001: 187.

оные юриспруденции обучится, да бы те, которые при судах суть, а учения онаго… лишившиися, скоряе всякую правду и долженство свое уразумели, како бы сие возмогло исполнитися?» По этому вопросу Петр «со многими и оными в том изученными художестве мужи, благоразумный предвосприял совет». Результат совета был такой: «Услышал, что во многих академиах аки алфавит употребляют в научении юнош, книгу преславнаго юристы Самуила Пуфендорфа, именуемую: О ДОЛЖНОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА ГРАЖДАНИНА ПО ЗАКОНУ ЕСТЕСТВЕННОМУ, абие возжелал оную на Российском диалекте видети»[14].

Согласно Гавриилу Бужинскому, интерес к трактату Пуфендорфа был связан с тем, что Петр задался проблемой перевода на русский ***учебника по юриспруденции***. Такая петровская заинтересованность в учебнике в контексте реформы управления подтверждается документами. Сохранилась такая записка, написанная рукой Петра в 1715 г.: «Универсалкой лекъсикон, которой вы читали, – хто автор, дабы я мог отписат к Веселовъскому, чтоб оной в Праге перевесть, также эстрат, [буде всего много], из Юриспруденции перевесть там же». Уже 16 декабря 1715 г. Петр писал русскому резиденту в Вене А.П. Веселовскому: «Старайся, дабы сыскать тебе в нашу службу из шрейберов или из ыных не гораздо высоких чинов и приказных людей, которые бывали в службе цесарской… которые знают по-словенски ото всех Колегий, которые есть у цесаря, [кроме духовных] по одному человеку, и чтоб они были люди добрыя и могли те дела, [в которых Колегиях они бывали], здесь основать. …Також сыщите книги Лексикон универсалис, которой печатан в Лейпцихе у Томоса Фрича; другой Лексикон универсалис же, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке, и оной сыщите на латинском или на немецком языке. Також сыщите книгу ***Юрисьпреденций*** (выделено нами. – *М.К.*). И как их сыщешь, надобно тебе съездить в Прагу и там в езувицких школах учителем говорить, чтоб они помянутые книги перевели на славенский язык»[15].

Итак, вопрос о поиске и переводе некоей книги по юриспруденции, т. е. учебника / обобщающего труда, был поставлен Петром в конце 1715 г. При этом монарх не называл автора такой книги, а сам запрос на ее поиск и перевод был сделан во время поиска же квалифицированных иностранных служителей для планируемых в России коллегий.

А.П. Веселовский в ответ сообщил Петру 1 февраля 1716 г., что нашел переводчика, «который берется переводить три книги, а именно два лексикона и юриспруденцию за 300 ефимков», для чего предполагалось «к нему прислать в помочь двух человек русских, которые по латине знают». В ответ на это царь отметил, что «хотя б и помощники к нему были присланы, и те три книги ему одному с ними трудно и долговременно будет переводить, а к тому ж и послать, кроме киевских чернцов, некого». Петр предписал Веселовскому съездить в Прагу и прове-

[14] Гавриил Бужинский 1726: 5–8.
[15] Воскресенский 1945: 47–48.

сти дополнительные переговоры. Однако, как следовало из письма Петра от 8 июня 1716 г., «езуит, которой взялся переводить лексикон, умре, и после ево нашли другова гисториографа чешского, которой хочет… те лексиконы в год времени перевесть за пять сот червонных». Петр соглашался с этим и дополнительно просил Веселовского «достать книгу лексикон Техником (артиум эт сиенциарум), которая выдана в Англии, и чтоб оная была на латинском или немецком языке, и отдайте переводить в помянутой же кляштор езувитам». При этом в Прагу в сентябре 1716 г. были направлены русские переводчики из Славяно-греко-латинской академии[16]. Они там работали над переводами лексиконов, включая «исторический универсальный дикционар» И. Буддея[17]. Уже в начале марта 1718 г. Веселовский в Праге «осматривал переводу с повеленных лексиконов» и пришел к выводу, что «помянутые переводы малаго труда к исправлению требуют» и что при этом работы по переводу можно вести в России без больших затрат, связанных с проживанием заграницей[18]. Переводчики вернулись в Россию к 1721 г., правда, не завершив полностью перевода лексикона Буддея[19]. Далее 24 октября 1723 г. Петр передал в Синод через его вице-президента Феодосия Яновского указ, по которому следовало «новопечатную на немецком диалекте книгу, именуемую Лексикон универсалный исторический, каков у некоторых в Россию прибывших иноземцев купецких людей обретается, купить в Синод для исправления прежняго с такова ж Лексикона на славенский диалект учиненнаго перевода и ради совершеннаго, что не перведено, докончания»[20]. Получается, что по каким-то причинам из петровских писем А.П. Веселовскому и связанных с ними переводческих работ исчезла книга *Юрисьпреденций*, а сам Петр сконцентрировал свое внимание в связи с деятельностью переводчиков в Праге на лексиконах.

Впрочем, нельзя сказать, что Петр совсем забыл про *юриспруденцию*. В резолюции на мемориал Г. Фика от 9 мая 1718 г., где тот предлагал подать записку «о нетрудном обучении и воспитании российских младых детей, чтоб оных, в малое время, в такое совершенство поставить, дабы В.В. все гражданские и воинские чины в Коллегиях, губерниах, судех, канцеляриах, магистратах и протчая своими природными подданными наполнить», Петр написал: «Зделать Академию, а ныне приискат из руских, хто учен и к тому склонность имеет. Также начат переводит книги ***юриспруденцию*** (выделено нами. – *М.К.*) и протчии к тому. Сие учинит сего году начала»[21]. Таким образом, вполне в соответствии с тем, что писал Бужинский в 1726 г., Петр в 1715–1718 гг. поднимал вопрос о переводе некоей книги по юриспруденции в связи с реформой управле-

[16] Пекарский 1862: 231–233; РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 53. Л. 54–54 об.
[17] Мыльников 1974.
[18] Пекарский 1862: 234–235.
[19] Мыльников 1974.
[20] Воскресенский 1945: 128–129.
[21] Воскресенский 1945: 224.

ния, которая стала разворачиваться как раз с 1715 г. Другое дело, что монарх к 1718 г. так и не определился, какую именно книгу или книги по юриспруденции следует перевести. Стоит также указать на разрыв между распоряжениями Петра и тем, как они исполнялись. Так, академия не была учреждена в 1718 г. Схожим образом, отсутствуют свидетельства, что в 1718 г. начались работы по переводу книг об юриспруденции.

И вот, как было зафиксировано в протоколе Синода от 19 ноября 1721 г., «Петр Великий… во время имеющей… Синода в… Сенате конференции соизволил… Синоду отдать печатную на латинском языке книжицу, именуемую Пофендорф, и указал… оную книжицу в… Синоде перевесть на словенский диалект и напечатать для распубликования в народ оных число довольное». Затем в протокол была внесена небольшая правка: после слова «Пофендорф» было надписано сверху название книги – «О чинах человека гражданина». 28 ноября состоялся указ Синода, по которому *книжица* отсылалась в Типографскую контору, а ее руководителю Гавриилу Бужинскому повелевалось «чинить о том» по указу[22].

Гавриил Бужинский был достаточно опытным переводчиком. Однако он к концу 1721 г. занимал ряд должностей, которые, отнимали у него немало времени: он был настоятелем Ипатьевского монастыря, советником Синода, а также протектором синодальных «школ и типографий». Кроме того, в марте 1722 г. он стал настоятелем более значимого монастыря – Троице-Сергиева. Скорее всего, в связи с занятостью Гавриил Бужинский решил не браться за перевод сам и передал его своему молодому подчиненному Иосифу Матвеевичу Кречетовскому. Последний был учащимся Славяно-греко-латинской академии, которого «из реторики» отправили в 1717 г. в Прагу «для наук латынских» и после возвращения 6 июня 1722 г. определили справщиком в Московскую типографию[23]. При этом Гавриил Бужинский в итоге назначил Кречетовскому повышенное жалованье «за то, что он сверх обыкновеннаго труда справщицкаго, по искуству своему, переводит, когда что случится, тамо с латинскаго на славенский и с славенскаго на латинский диалект»[24]. И, как заявлял в своем доношении Гавриил Бужинский, «в 1722м годе… велено переводить в Москве книгу Самуила Пуфендорфа О должности человека и гражданина, которая в минувшем 1723м годе и переведена справщиком Иосифом Кречетовским». Перевод последнего был 7 января 1724 г. представлен Гавриилом Бужинским в Синоде, где, согласно выписке из протокола от 21 января 1724 г., определили: «Тое книгу переписать и переписанную сообщить в Кабинет его императорскаго величества». Затем 5 февраля 1724 г. члены Синода подписали приговор, по которому следовало «с той книги списать точную копию и сообщить в Кабинет», а оригинал, переплетя, «содержать в синодальной архиве»[25].

[22] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 1–2 об.
[23] Пекарский 1862: 238; Страхова 2005: 122.
[24] Полное собрание постановлений 1876: 265.
[25] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 4–4 об.; Оп. 209. Д. 7. Л. 117 об.–118.

Однако выполнение приговора затянулось. По крайней мере, оригинал не был переплетен достаточно быстро. Об этом позволяет утверждать тот факт, что сохранившаяся рукопись перевода И.М. Кречетовского была переплетена вместе с материалами Гавриила Бужинского, который завершил работу над ними не ранее августа 1725 г.[26]

Затем 11 сентября 1724 г. Петр I направил в Синод собственноручную записку: «Посылаю при сем книгу Пуфендорфа, в которой два трактата, первой о должности человека и гражденина, другой о вере християнской. Но требую, чтоб первой токмо переведен был, понеже в другом не чаю к ползе нужде быт. И прошу, дабы не по конец руки переведена была, но дабы внятна и хорошим штилем»[27]. В Синоде записка и «печатная на латинском диалекте книга Самуила Пуфендорфа О должности человека и гражданина и О вере християнской» были получены 12 сентября, а 18 сентября там зафиксировали в протоколе: «По справке в … Синоде оная О должности человека и гражданина Пуфендорфова книга уже переведена, только тот перевод всесовершенно неисправлен». В связи с этим Синод принял решение, что «оную новопреведеную на руском языке Пуфендорфову книгу» следует «по должности освидетельствовать с помянутою на латинском диалекте печатною книжицою» и «всесовершенно исправить» Гавриилу Бужинскому «как скоро возможно с поспешением, и для того» освободить его от участия «в сесиях синодальных … в каждой седьмице, кроме прежде уволеннаго для собирания к печатанию поучений, еще по одному дню … и оную присланную книгу и перевод вручить немедленно»[28].

Как можно объяснить факт наличия двух распоряжений Петра – 1721 и 1724 гг. – о переводе одного и того же сочинения Пуфендорфа, каждое из которых сопровождалось печатной книгой на латыни? С.В. Польской без ссылок на источники и исследования пишет, что «первоначальный перевод был выполнен по личному распоряжению Петра I Синоду (1721) справщиком Иосифом Кречетовским к началу 1724 года, но царю» якобы «перевод показался неудобопонятным, поэтому за его исправление взялся бывалый переводчик Григорий (sic! – *М.К.*) Бужинский»[29]. Итак, исследователь безапелляционно утверждает, что второе распоряжение было связано с тем, что Петра не удовлетворило качество перевода. Однако дабы утверждать это, надо все же доказать, что монарх действительно получил перевод И.М. Кречетовского!

Факт отправки перевода из Синода в Кабинет должен был быть зафиксирован в делопроизводстве. Согласно синодальному делу о переводе, было принято решение сделать копию и лишь после этого отправить перевод Петру. Однако документы этого дела не фиксируют отправки, равно как этого не фиксирует и реестр исходящих писем из Си-

[26] Попов 1909: 2; ОР ГИМ. Син. 1013.
[27] Воскресенский 1945: 148.
[28] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 5–6.
[29] Польской 2022: 268.

нода в Кабинет за 1724 г.[30] В документах из Синода за 1724 г., которые сохранились в делах Кабинета Петра, также не упоминалась отправка / получение такого перевода, хотя в них обсуждал книжные дела[31].

Заминка с созданием и отправкой копии перевода в Кабинет могла быть связана с тем, что по указу от 9 февраля 1724 г. все члены Синода, кроме петропавловского протопопа Петра Григорьева, а также немалая часть канцелярских служителей убывали в Москву связи с намечавшейся там коронацией императрицы Екатерины, откуда вернулись в Санкт-Петербург только в середине лета[32]. Следует также понимать, что для петровского времени не самое быстрое исполнение распоряжений, которые мог отдавать и сам монарх, не было чем-то удивительным. Нехватка квалифицированных специалистов была одной из ключевых проблем петровских реформ, когда распоряжений было больше, чем людей, способных их выполнить. Это приводило к тому, что многие указы, в том числе и в сфере книгоиздания, не были в итоге реализованы. Так, еще 16 декабря 1722 г. Петр I распорядился, чтобы «бывшие с начала прешедшей Шведской войны … предики (проповеди. – *М.К.*), которые где б ни были … проповедованы с воспоминанием взяться городов и полученных викторий, собрав все погодно в одну книгу и сочиня надлежащей на них реэстр и предисловие, напечатать потребное таких книг число ***немедленно*** (выделено нами. – *М.К.*)». Синод 17 декабря 1722 г. поручил это весьма занятому Гавриилу Бужинскому, которому накануне и так передали перевод Пуфендорфа. Далее 3 августа 1724 г. Синод потребовал от него такие проповеди «предложить к разсмотрению». Гавриил Бужинский, получивший указ только 4 сентября, ответил 7 числа, что «всех таких предик не токмо печатать, но и собрать не надлежит, понеже предики во дни праздничныя и воскресныя многия проповеданы были, которыя до войны свейской и неприличествуют, и проповедники таковые иные померли, а иные стали быть в дальности мест, почему мне таких сыскать стало невозможно, и за синодальными делами неприлично, и кошту такового на взыскание откуда взять не положено, також и на исправление такового дела надобны искусные в орфографии писцы и для писания собственно им покой, бумага, свечи и сим подобная, а откуду оное взять, в указе не определено». Получалось, что вместо того, чтобы ревностно исполнить указ Петра, Гавриил Бужинский спустя более чем полтора года после него только задался вопросом об условиях исполнения указа. Синод отдал соответствующие распоряжения и о служителях, и о материальных средствах, а также освободил самого Гавриила Бужинского от посещения части синодальных заседаний. В итоге же такая книга не была составлена, и к 1727 г. работа над ней заглохла[33]. Приме-

[30] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Оп. 444. Д. 22.
[31] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 68.
[32] РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 22. Л. 4 об.–5, 9 об.; Полное собрание постановлений 1876: 68.
[33] РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1253.

чательно, что о таких проблемах знали и в Кабинете, в связи с чем были вынуждены прибегать к напоминаниям. Так, 2 октября 1724 г. в Синоде было получено письмо от кабинет-секретаря А.В. Макарова, где сообщалось, что Петр «указал внесть в гисторию (которая сочиняется о прошедшей швецкой войне) все поздравления и приветствия, которыя чинены были во время триумфальных входов его величества в Москву от преосвященного резанского митрополита Стефана, також от учителей латинской и греческой школ, о чем в 722м году говорено» Гавриилу Бужинскому, «чтоб приискав прислал в Кабинет, но и поныне оных не прислано»[34]. Однако такие напоминания не возымели должного результата. Итак, исполнение как распоряжений Синода, так и самого монарха могло затягиваться на месяцы и даже годы. Более того, в некоторых случаях даже нельзя было сказать, велась ли работа по таким распоряжениям. Петровский денщик А.Д. Татищев 2 декабря 1723 г. передал вице-президенту Синода Феодосию Яновскому «две книги, латинскую да галанскую, именуемые Иулия Кесаря дел описание», которые следовало «перевесть на славенской диалект ***в самой скорости*** (выделено нами. – *М.К.*)». Синод 3 декабря распорядился отдать эти книги для перевода чудскому архимандриту Феофилу Кролику, а 28 января 1724 г. предписал ему «о немедленном того переводу синодскими переводчиками, кем надлежит, исправлении чинить по своему разсмотрению». И на этом история перевода в синодальных документах закончилась[35].

Таким образом, существование требований самого Петра сделать что-то по книжной части «немедленно» или «в самой скорости» отнюдь не означало, что это было сделано «немедленно» и «в самой скорости». Приведенные примеры как раз за 1722–1724 гг. показывают, что такого рода работы могли вестись крайне медленно и далеко не всегда доводиться до конца. Неудивительно, что и изготовление с отправкой копии перевода Пуфендорфа в Кабинет могли затянуться.

Конечно, в записке от 11 сентября 1724 г. Петр выразил желание, чтобы перевод был сделан качественно, что можно рассмотреть, как косвенное свидетельство, что монарх ознакомился с переводом И.М. Кречетовского, и тот показался ему неудобопонятным. Однако это могло быть и просто дополнительным напоминанием, что следует контролировать качество перевода, дабы затем его не переделывать. Здесь можно вспомнить судьбу попытки Петра напечатать перевод римского историка Тита Ливия, когда Синод *всепокорно* 23 августа 1722 г. сообщил монарху в ответ на его указ «книги Тита Ливия … выправив, напечатать», что эти книги «явились к печатанью весьма неудобны, понеже перевод из зело неисправен и требует ко исправлению и труда многаго и времени довольнаго»[36]. Как результат, перевод так и не был опубликован.

[34] РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 21. Л. 175.
[35] РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 586.
[36] РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1390. Л. 4.

Следует также обратить внимание, что Петр в распоряжении от 11 сентября 1724 г. не указал *исправить*, т. е. отредактировать некий перевод. Вместо этого он указал именно *перевести*. И, что немаловажно, он дополнительно отметил, какой именно из двух посылаемых в Синод трактатов Пуфендорфа надо перевести. Если бы речь шла уже о состоявшемся переводе конкретного трактата, такое уточнение было бы не нужно. Таким образом, с учетом как петровских формулировок, так и делопроизводственных документов Синода и Кабинета, следует признать наиболее вероятным то, что Петр не был знаком с переводом И.М. Кречетовского. Почему же тогда Петр второй раз отдал распоряжение о переводе? Ответ лежит на поверхности: с учетом занятости он мог банально забыть о своем первом распоряжении.

В то же время первое распоряжение Петра было зафиксировано в делопроизводстве Синода и даже выполнено в части перевода, что нельзя было проигнорировать. Другое дело, что об этом можно было затем умолчать, дабы избежать неудобных вопросов: почему в Синоде, получив еще в январе 1724 г. перевод, его не отправили в Кабинет к сентябрю 1724 г.? И если этот перевод был действительно так «всесовершенно неисправлен», то почему в том же январе 1724 г. не было принято решения о его исправлении? Соответственно, обходя молчанием эти вопросы, Гавриил Бужинский в предисловии 1726 г. фактически фальсифицировал часть истории перевода, заявив, что когда Петр «возжелал оную на Российском диалекте видети», то он эту книгу «Синоду при собственноручном писании вручил, да бы со всевозможною скоростию сия книга Российски переведена была»[37]. Итак, был опущен и эпизод с отправкой книги при устном указе в 1721 г., и эпизод с поручением этой работы в 1722 г. И.М. Кречетовскому, а отправной точкой перевода стала передача Синоду книги 11 сентября 1724 г. «при собственноручном писании».

Как отмечает С.В. Польской, обратившийся к рукописи перевода И.М. Кречетовского, которую стал редактировать Гавриил Бужинский[38], последний «сначала попытался править перевод Кречетовского прямо в его рукописи, но чем дальше он продвигался, тем больше приходилось исправлять, поэтому он стал зачеркивать текст Кречетовского и испещрять все свободное пространство свободным текстом. …Когда Бужинский заканчивал правку книги I “De officio”, он полностью отказался от текста Кречетовского даже как от основы… и заново перевел всю вторую половину трактата Пуфендорфа»[39].

Согласно предисловию Гавриила Бужинского, «егда же начася перевод, не терпя премудрейший Император долгаго времени не видети ю, неколико времени прешедшу, вопросил совершена ли книга она? Ответ

[37] Гавриил Бужинский. 1726: 8.

[38] Рукопись хранилась в архиве Московской конторы Синода и в 1894 г. была передана в т.н. патриаршую библиотеку, сейчас она находится в Синодальном собрании рукописей Государственного исторического музея. См.: Попов 1909: 2.

[39] Польской 2022: 268–269.

же услышав, яко в толь кратком времени тое исполнити есть не возможно: тогда хотя некия части желаше видети: и вручено Его Императорскому Величеству, десять глав книги первыя, которыя прочет тако возлюби, яко во многих местах собственноручно исправи, и абие в Типографию своею Императорскою Персоною прибыв, повелел оную тиснению предати». Правда, монарху было заявлено, что с печатью до завершения работ над переводом «обождать надлежит». После этого Петр «всегда о переводе, и как скоро окончится вопрошаше. При собраниях же Сенаторов, и в Царских своих палатах, и на ассамблеах в домех Сенаторских, оныя первыя десять глав прочтенныя похвалял, и всегда Автора ея Пуфендорфа мудрым именовал Юрисперитом (законознателем)»[40].

В протоколе Синода в 1724 г. было зафиксировано, что Петр «сего декабря 15 дня, будучи в Санкт-Питербургской под синодским ведомством типографии, указал… переведенную с латинского на славенский диалект книгу Самуила Пуфендорфа О должности человека и гражданина на славенском диалекте в Санкт-Питербургской типографии напечатать»[41]. Кроме того, С.В. Польской обратил внимание, что рукопись перевода глав с четвертой по восьмую первой книги (трактат С. Пуфендорфа делился на две части, называвшимися «книгами») содержит правки, произведенные рукою Петра[42]. Итак, источники подтверждают как правку Петром, самое меньшее, пяти глав перевода, так и посещение типографии. В связи с этим можно говорить о достоверности утверждений, что Петр хвалил С. Пуфендорфа как правоведа, а также известную ему часть перевода. Однако это произошло не ранее 11 сентября 1724 г.

Синод в связи с указом Петра 16 декабря 1724 г. распорядился напечатать перевод в количестве 600 экз.[43] Правда, скончавшийся 28 января 1725 г. Петр так и не увидел полного перевода: Гавриил Бужинский завершил его, судя по помете на рукописи, не ранее августа 1725 г.[44], а набело переписанная рукопись была представлена им только 8 ноября 1725 г., о чем Синод постановил доложить Екатерине I. Гавриил Бужинский в связи с этим 13 ноября 1725 г., «будучи в Летнем ея величества доме», вручил ей перевод, а она отдала его секретарю Кабинета И.А. Черкасову, «а ему, советнику, сказала, что по прочтении оной книги о печатании ея в… Синод указ впредь будет прислан». Указ был прислан 28 февраля 1726 г.[45], и в ноябре 1726 г. книга была издана.

Таким образом, Петр I *мог* прочитать в переводе только первые 10 глав из 17 первой книги и ни с одной из 18 глав второй книги, т.е. примерно с 44 % перевода (если считать по печатному изданию – с 237 страницами из 537). При этом без каких-либо сомнений и оговорок мож-

[40] Гавриил Бужинский. 1726: 9–10.
[41] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 7.
[42] Польской 2022: 270.
[43] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 7 об.
[44] Попов 1909: 2.
[45] РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 10, 11.

но утверждать, что Петр читал только главы с четвертую по восьмую. Приведем названия первых десяти глав первой книги, которые он мог прочитать: гл. 1 «О действии человеческом», гл. 2 «О правиле действ человеческих или о законе общем и о правде», гл. 3 «О законе естественном», гл. 4 «О должности человека к Богу: или о Богопочтении естественном», гл. 5 «О должности человека к себе самому», гл. 6 «О должности всякаго ко всем, и первее еже не обидети других», гл. 7 «О должности всякаго ко всем. И второе о познании естественнаго равенства между человеки», гл. 8 «О должностях всякаго ко всем. И третие, о творении взаимных человекоприятных должностей», гл. 9 «О должностях договаривающихся, то есть согласующих между собою, на собственных неких положенных правах, или договорах (пактах)», гл. 10 «О должности разглагольствующих, то есть речь между собою имущих»[46]. Получается, что Петр мог познакомиться с общими морально-этическими рассуждениями Пуфендорфа касательно *должностей* человека, которые при этом были хорошо приправлены богословскими рассуждениями, включая тезис, что «Богопознание ко спасению душы приводит, и от собственнаго Божия откровения происходит»[47]. Что же до рассуждений о том, что такое естественное состояние и что такое состояние гражданское, каково устройство государства, какие есть обязанности у граждан и правителей, включая заботу об общем благе, то они содержались в так и не прочитанных Петром главах второй книги.

Кроме того, мало понимать, что именно прочитал Петр. Необходимо также попытаться понять, как именно Петр прочитал доступные ему главы трактата и что именно ему могло в них понравиться. Здесь помощь могут дать петровские пометы.

Прежде всего, Петр прочитал перевод как редактор, в связи с чем на полях черным карандашом зафиксировал следующий принцип, которому надлежало следовать при переводе: «Писат те слова, которыя уже обыкли». Далее некоторые слова и выражения Петр исправил своей рукой, используя черные чернила. Так, вместо слова «всеконечнее» он написал фразу «всеконецъ імущее», слово «впоследствовали» исправил на «оному последствовали», слово «дорогшеи» исправил на «дражайшее». В двух местах Петр поместил разъяснения: рядом со словом «магистрата» он написал «то есть началства» (гл. 5, § 14), а над словом «винна» он надписал «погрешение» (гл. 6 § 9)[48].

В ряде случаев Петр черными же чернилами отмечал проблемные с его точки зрения фрагменты крестом на полях, а также подчеркиванием пунктиром. В этих случаях правку вносил своей рукой Гавриил Бужинский. Несколько таких правок касались отдельных слов и выражений: фраза «без раскаяния» была исправлена на «упорством своим», «когда бы на» на «ежели бы на» (гл. 5 § 13), «таковаго бедствия не бе-

[46] Пуфендорф 1726: 1–237.
[47] Пуфендорф 1726: 73.
[48] ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 167, 169, 180, 189.

гал» на «от таковых бедствий не бегал» (гл. 5 § 9)[49]. В некоторых случаях переписывался перевод отдельных предложений. Петра не устроил такой перевод части § 9 четвертой главы, который был в итоге зачеркнут: «Егда бо в гражданстве токмо суд произносится по делам и по доказательству, в безбожии отворится дверь ко всем беззакониям и безчинствам, из которых мнит кто себе пользу получить, токмо бы тайно и без свидетелей, по хитрости ума и сил своих, оное что ему угодное сотворити возмогл». Вместо этого Гавриилом Бужинским на отдельной бумажке был написан новый вариант, напечатанный в 1726 г.: «Егда бо в гражданском суде определение бывает по делам и доказательствам, то в Атеистстве всякия беззакония и безчинства, из которых аще бы кто токмо чаял пользу себе получить, ежели бы оныя тайно и без свидетелей содеял, в похвалу и остроумие себе по своему благоизволению могл бы приписовать»[50]. С одной стороны, в новом переводе более понятно была передана фраза «in foro civili pronuncietur», дословно «на форуме гражданском объявлено», когда вместо громоздкого и не совсем ясного «в гражданстве токмо суд произносится» появилось выражение «в гражданском суде определение бывает». С другой стороны, нельзя сказать, что выражение «то в Атеистстве всякия беззакония и безчинства», где пропало сказуемое, более удачно, чем выражение «в безбожии отворится дверь ко всем беззакониям и безчинствам». Как бы то ни было, с помощью таких правок Петр старался сделать перевод более понятным. Однако в такого рода правках не видны значимые терминологические предпочтения самого Петра, и если по ним можно судить о переводческих приемах монарха, то едва ли получится понять, что же его привлекло в концептуальном плане.

В рукописи перевода есть только одна помета, которую можно истолковать в том смысле, что Петр заинтересовался идейным содержанием фрагмента. Петр написал знак NB рядом со словами о тех, кто «согрешают» против *должности* «ДА БЫ ВСЯК О ДРУГАГО ПОЛЬЗЕ И ЕЯ УМНОЖЕНИИ ЕЛИКО МОЖЕТ ИМЕЛ ПОПЕЧЕНИЕ». С одной стороны, Пуфендорф написал о тех, которые «о пользе других той промышляет, кто душу и тело свое добре обучает, да бы полезнейшыя действия для других мог делати, или аще чрез остроту разума, таковыя изобретает, от чего бы житие человеческое могло быть болше искусное». С другой стороны, есть те, которые как раз и заинтересовали Петра. Они, «которые никоему честному художеству нехотят обучатися, и житие в тишине препровождают, душу токмо вместо соли имеющие, да бы не согнили, для числа и порченья хлеба рожденные. И иже богатством от родителей оставлшимся доволни, и для того во всяком невежестве живут свободно, имуще чуждыми трудами приобретенное препитание, а сами о примножении оных ниже малое имеют попечение. И которые аки свинии токмо по смерти своей других увеселяют: (есть по-

[49] ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 180, 178.
[50] ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 172; Пуфендорф 1726: 94–95.

словица, лакомый человек и свиниа по смерти вкусни:) и другии сим подобнии, токмо тщетная земли тяжесть»[51].

Такая критика живущих праздно за счет наследства и не желающих обучаться чему-либо полезному была более чем созвучна рассуждениям Петра I в указе о единонаследии от 23 марта 1714 г. В нем монарх указывал на опасность «непотребности», т. е. выбора бесполезной жизни, когда получивший наследство и «имея свои даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить и простиратца не будет, но ищет всякой уклонятца и жить в праздности, которая (по святому писанию) материю есть всех злых дел». В связи с этим «по примеру Англии и Франции», как это было написано в черновом варианте указа, Петр вводил ограничения на передачу по наследству недвижимости, рассчитывая, что оставшиеся без наследства «не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и протчим. И то все, что оныя сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть». При этом Петр предписывал, что «когда кто из кадетов дворянских фамилей захотят итить в чин купеческой, или какое знатное художество, также… и в духовныя, то есть в белыя священники, то тем, которыя в сие вышеписанное вступят, не ставить ни в какое безчестье им и их фамилиям ни словесно, ни письменно»[52].

Напиши Петр рассуждения такого рода после знакомства с трактатом Пуфендорфа «О должности человека и гражданина…», ничто бы не помешало заявлять в соответствии с принципом «после – значит вследствие», что они созданы под влиянием пуфендорфовских идей о *должности* «да бы всяк о другаго пользе и ея умножении елико может имел попечение». Однако к 1714 г. Петр не читал этого трактата. Он порицал *праздность* ссылаясь на христианскую традицию, меняя при этом нормы наследственного права с опорой на западноевропейский опыт с целью достижения *государственной пользы*. И это не было чем-то уникальным – в своей государственной деятельности Петр, с одной стороны, регулярно апеллировал к Священному писанию, а с другой стороны, активно интересовался европейским законодательством[53].

С учетом изложенного следует рассматривать отношение Петра I к трактату Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (возможно, не только к нему) не в категориях «влияния» и «заимствования», а в категориях созвучия / совпадения идей. К 1724 г. Петр был зрелым государственным деятелем, так что он в прочитанной части пуфендорфовского трактата мог обращать внимание, прежде всего, на те идеи, которые совпадали с его уже сформировавшимися взглядами. Отсюда могла происходить и похвала Пуфендорфу, так как Петр видел в его идеях подтверждение своим решениям как государственного деятеля. Обоснования же этим решениям, связанным с понятием общего

[51] ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 193 об.; Пуфендорф 1726: 175–176.
[52] Законодательные акты Петра I 2020: 11–15.
[53] Бугров, Киселев 2016: 89–91, 97–103, 109–112.

блага / общей пользы, Петр искал, скорее, в религиозной и морально-политической литературе, подкрепляемой историческими сочинениями, нежели в правовых трактатах. Как отмечал лично знавший Петра Ф.И. Соймонов, хотя монарх «имел весьма худое воспитание, но натуральная к добру склонность, великое остроумие, крайнее разсуждение и высокия намерения, но и вяще дополнили недостаток его воспитания так, что чрез единое током с учеными людьми обращение стал он быть премудрейшим государем, и мог почитан быть за ***добраго философа, за достойнаго богослова*** (выделено нами. –*М.К.*), за глубоко разсудителного в натурных делех, за острейшаго в математике и безмерно искусного в механике, знал доволно древную римскую и греческую историю»[54]. Конкретные же рецепты для государственных решений Петр мог искать посредством обращения к западноевропейским практикам. В соответствии с этой логикой начало работы над переводом «De officio…» оказалось связано не с какими-то особыми симпатиями Петра к пуфендорфовским правовым идеям, а было обусловлено тем, что в процессе государственного реформирования Петр задался целью получить на русском языке учебник по юриспруденции для чиновников, которые должны были служить в новых учреждениях, создаваемых по западным образцам.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945 [Voskresenskij N.A. Zakonodatel'nye akty Petra I. T. I. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1945].

Гавриил Бужинский. Предисловие // Пуфендорф С. Введение, в гисторию Европейскую. СПб.: б.и., 1718. С. 1–9. [Gavriil Buzhinskij. Predislovie // Pufendorf S. Vvedenie, v gistoriyu Evropejskuyu. SPb.: b.i., 1718. S. 1–9].

Гавриил Бужинский. [Приношение Екатерине I] // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетербургская тип., 1726. С. 1–12. [Gavriil Buzhinskij. [Prinoshenie Ekaterine I] // Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu. SPb.: Sanktpeterburgskaya tip., 1726. S. 1–12].

Законодательные акты Петра I. Т. II–III. М.: Древлехранилище, 2020 [Zakonodatel'nye akty Petra I. T. II–III. M.: Drevlekhranilishche, 2020].

Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Син. 1013. [Otdel rukopisej Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (OR GIM). Sin. 1013].

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповедания Российской империи. Т. IV. СПб.: Синод. тип., 1876 [Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyazhenij po vedomstvu pravoslavnago ispovedaniya Rossijskoj imperii. T. IV. SPb.: Sinod. tip., 1876].

Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетербургская тип., 1726 [Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu. SPb.: Sanktpeterburgskaya tip., 1726].

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. I. Д. 53. [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 9. Otd. I. D. 53].

РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 68. [RGADA. F. 9. Otd. II. D. 68].

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. [Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 796. Op. 1. D. 671].

РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1253. [RGIA. F. 796. Op. 3. D. 1253.].

РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1390. [RGIA. F. 796. Op. 3. D. 1390].

РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 586. [RGIA. F. 796. Op. 4. D. 586].

РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 7. [RGIA. F. 796. Op. 209. D. 7].

РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 21. [RGIA. F. 796. Op. 444. D. 21].

[54] Соймонов 2014: 427–428.

РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 22. [RGIA. F. 796. Op. 444. D. 22].
Соймонов Ф.И. Рукописное наследие. М.: ГИМ, 2014 [Sojmonov F.I. Rukopisnoe nasledie. M.: GIM, 2014].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 121–155. [Bagger H. Reformy Petra Velikogo v Rossii // Tsar' Petr i korol' Karl: dva pravitelya i ih narody. M.: Tekst, 1999. S. 121–155].
Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Сильвестр (Лукашенко), Реснянский С.И. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства. Ярославль: [б.и.], 2022 [Bagdasaryan V.E., Ierusalimskij YU.YU., Sil'vestr (Lukashenko), Resnyanskij S.I. Ideologiya Petra I: istoricheskaya razvilka i vybor modeli razvitiya gosudarstva. Yaroslavl': [b.i.], 2022].
Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integraciya evropejskogo vliyaniya v rossijskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016].
Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996 [Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996].
Гордин Я.А. Миф о «непотребном сыне» и реальная жизнь царевича Алексея Петровича // Звезда. 2022. № 6. С. 15–87. [Gordin Ya.A. Mif o «nepotrebnom syne» i real'naya zhizn' carevicha Alekseya Petrovicha // Zvezda. 2022. № 6. S. 15–87].
Малышева Н.И. Судьба книги Самуила Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» в России // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 187–197. [Malysheva N.I. Sud'ba knigi Samuila Pufendorfa «O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina» v Rossii // Nemtsy v Rossii: rossijsko-nemeckij dialog. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2001. S. 187–197].
Марченко М. К. Как и чему учился царевич Алексей Петрович // Русская старина. 1901. № 3. С. 517–520. [Marchenko M. K. Kak i chemu uchilsya tsarevich Aleksej Petrovich // Russkaya starina. 1901. № 3. S. 517–520].
Мыльников А.С. Русские переводчики в Праге. 1716–1721 гг. // XVIII век. Вып. 9. Л.: Наука, 1974. С. 279–288. [Myl'nikov A.S. Russkie perevodchiki v Prage. 1716–1721 gg. // XVIII vek. Vyp. 9. L.: Nauka, 1974. S. 279–288].
Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1862 [Pekarskij P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. I. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1862].
Польской С.В. Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России (1700–1760-е) // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М.: НЛО, 2022. С. 236–314. [Pol'skoj S.V. Rukopisnyj perevod i formirovanie svetskogo politicheskogo yazyka v Rossii (1700–1760-e) // Laboratoriya ponyatij: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka. M.: NLO, 2022. S. 236–314].
Попов Н.П. Недавния поступления рукописей в Патриаршую библиотеку в Москве // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 9. Отд. 4. С. 1–8. [Popov N.P. Nedavniya postupleniya rukopisej v Patriarshuyu biblioteku v Moskve // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1909. № 9. Otd. 4. S. 1–8].
Страхова О.Б. Внутриведомственный конфликт на Московском Печатном Дворе // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. № 2. P. 117–135. [Strahova O. B. Vnutrivedomstvennyj konflikt na Moskovskom Pechatnom Dvore // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. № 2. P. 117–135].
Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великаго. Т. VI. СПб.: II отд. СЕИВ Канцелярии, 1859 [Ustryalov N.G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikago. T. VI. SPb.: II otd. SEIV Kantselyarii, 1859].
Флоровский А.В. Царевич Алексей Петрович в 1710 году: записка гр. Г.В. Велчека // To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70th birthday, 11 Oct. 1966. Vol. 1. Paris; The Haug: Mouton, 1967. P. 672–677. [Florovskij A.V. Tsarevich Aleksej Petrovich v 1710 godu: zapiska gr. G.V. Velcheka // To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70th birthday, 11 Oct. 1966. Vol. 1. Paris; The Haug: Mouton, 1967. P. 672–677].

***Киселев Михаил Александрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета; mihail.a.kiselev@gmail.com*

Peter the Great and Iurisperitus Pufendorf

The article is devoted to the history of the creation and publication in 1726 of the Russian translation of S. Pufendorf's book «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» in its relationship with the ideological preferences of Peter I. Traditionally this translation considers as a sign of the tsar's interest in treatises on natural law. Moreover, it is believed that sush treatises influenced Peter to use the concept of the «common good» in justifying his activities. It is shown that the appearance of this translation related to Peter's desire to receive a textbook on jurisprudence in Russian, and not with any of his special sympathies for Pufendorf's legal ideas. Accordingly, it is necessary to analyse Peter's interest in religious and moral-political literature and historical writings for searching ideological sources from which Peter drew inspiration related to the concept of the common good / common benefit.

***Keywords**: Peter I, Pufendorf, common good, Russian history, history of translations.*

***Kiselev Mikhail Alexandrovich**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University (Ekaterinburg); mihail.a.kiselev@gmail.com*